

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-644-653>

Шифр научной специальности 5.9.1

Функция онейрических миниатюр во внутреннем сюжете романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Евгений Евгеньевич Иванов

АНОВО «Московский международный университет»
125040, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 17
ayaom@list.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрено структурное взаимодействие онейрического компонента поэтики романа «Преступление и наказание» с сюжетикой всего произведения. Цель исследования – определить роль онейрических миниатюр в развитии образа главного героя. Для этой цели серия снов главного героя выделяется в отдельный поэтологический конструкт, в котором прослеживаются композиционные переключки с сильной позицией первого сна. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Комплексное изучение произведения Ф.М. Достоевского базировалось на герменевтико-интерпретационном, структурно-семантическом, феноменологическом методах, методе целостного анализа с использованием приёмов мотивного анализа. Особое внимание уделяется герменевтической оппозиции первого и второго снов в плане биполярного психологизма образа Раскольникова. В концепции двусоставной поэтики текста Ф.М. Достоевского цикл онейрических миниатюр анализируется как основа внутреннего сюжета, выявляющего полный недосказанности дискурс о «новом слове» героя. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ разговора с Разумихиным о «великой грусти» показывает несовпадение в авторефлексии героя понятий «истинно великие люди» и «необыкновенные» (в контексте его статьи). Образ лошади из первого сна аллегорически соотносится с картиной кочевнической жизни, которую герой наблюдает в финале произведения, а также со сном о библейском Египте, символизирующем спасение от духовного рабства и одиночества. Подтекстовый образ пророка Моисея трактуется как образ слияния с народом, приводятся этимологические параллели имени «Родион» с египетским происхождением имени «Моисей». Также даются трактовки фамилии «Раскольников» и имени «Соня» в гностическом ключе об «ошибке» в создании мира и о его несовершенстве. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Экзистенциальная ошибка в умозрительной теории самого Раскольникова выводится из анализа цикла снов героя как проекции внутреннего сюжета во внешний. Данный подход представлен ключом к интерпретации эволюции образа Раскольникова от трагического отчуждения к виталистическому пробуждению.

Ключевые слова: цикл снов, внутренний сюжет, архитектура текста, наррация насилия, гностический подтекст, экзистенциальность, авторефлексия, этимология имени

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иванов Е.Е. Функция онейрических миниатюр во внутреннем сюжете романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 3. С. 644-653. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-644-653>

The function of oneiric miniatures in the inner plot of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"

Evgeny E. Ivanov

Moscow International University

17 Leningradsky Ave., Moscow, 125040, Russian Federation

ayaom@list.ru

Abstract

INTRODUCTION. This study examines the structural interaction of the oneiric component of the novel poetics of *Crime and Punishment* with the plot of the entire work. The aim of the study is to define the role of oneiric miniatures in the main character's image development. For this purpose, the series of dreams of the protagonist is singled out as a separate poetological construct, which shows compositional overlap with the strong position of the first dream. **MATERIALS AND METHODS.** The comprehensive study of F.M. Dostoevsky's work is based on hermeneutic-interpretation, structural-semantic, phenomenological methods, the method of holistic analysis with the use of motive analysis techniques. Special attention is paid to the hermeneutic opposition of the first and second dreams in terms of the bipolar psychologism of Raskolnikov's image. In the concept of Dostoevsky's bipolar poetics of the text, the cycle of oneiric miniatures is analyzed as the basis of the internal plot, revealing the discourse about the hero's "new word" full of understatement. **RESULTS AND DISCUSSION.** The analysis of the conversation with Razumikhin about "great sadness" shows the non-coincidence of the concepts of "truly great people" and "non-ordinary" (in the context of his article) in the hero's autoreflection. The image of a horse from the first dream allegorically correlates with the picture of nomadic life, which the hero observes in the finale of the work, as well as with the dream of biblical Egypt, symbolizing salvation from spiritual slavery and loneliness. The subtextual image of the prophet Moses is interpreted as an image of merging with the people, etymological parallels of the name "Rodion" with the Egyptian origin of the name "Moses" are given. The surname "Raskolnikov" and the name "Sonya" are also interpreted in a Gnostic way about the "mistake" in the creation of the world and its imperfection. **CONCLUSION.** The existential error in Raskolnikov's own speculative theory is deduced from the analysis of the hero's dream cycle as a projection of an internal plot into an external one. This approach is the key to interpreting the evolution of Raskolnikov's image from tragic alienation to vitalistic awakening.

Keywords: the cycle of dreams, the inner plot, the architectonics of the text, the narrative of violence, gnostic subtext, existentiality, self-reflection, etymology of the name

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Ivanov, E.E. The function of oneiric miniatures in the inner plot of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(3):644-653. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-644-653>

ВВЕДЕНИЕ

К анализу роли «сновидений Раскольникова» как о «некоем романе в романе с обилием сквозных мотивов, развитием сюжета, общей символикой» [1, с. 181] обращалось немало исследователей. Л.В. Пумпянский называет всё «Преступление и наказание» «сном о себе» [2, с. 29]. Р.Г. Назиров утвер-

ждает, что «эти сны не предсказывают события сюжета, а сами являются событиями» [3, с. 140]. Н.Л. Лейдерман полагает, что сны в повествовании формируют «образ пневматосферы как подсистемы, воплощающей и выражающей духовный (интеллектуальный и эмоциональный) «срез» (пласт) внутреннего мира художественного произведения» [4, с. 123]. В интерпретации В.В. Савельевой

«цикл снов Раскольникова» [5, с. 140] создаёт «онейрический архетип», который «стимулирует не только психические, но и интеллектуальные процессы» [5, с. 84-85], воспроизводящие художественную идеологию романа.

Целью исследования определялось обозначить место снов Раскольникова в архитектонике повествования, охарактеризовать художественную гипнологию текста в плане соотношения внутреннего и внешнего сюжетов, определить роль онейрических миниатюр в развитии образа главного героя.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Сформулированы следующие задачи исследования: выявить программную роль «первого сна Раскольникова» в сновидческом цикле и его место в поэтике романа, исследовать образ лошади в его символическом значении; проинтерпретировать ономастику образа главного героя и его визави Сони Мармеладовой в этимологическом отношении. Основной задачей ставилось проследить путь героя в освобождении от различных форм онирического и симуланного. Инструментами исследования стали структурно-семантический и феноменологический методы анализа с опорой на мотивный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешний сюжет романа раздваивается на две сюжетные линии, объединённых темой насилия. Исходя из названия «Преступление и наказание», читатель понимает, что первичным является убийство Раскольникова и все обстоятельства, имеющие к нему отношение. Инверсия детективного канона от подготовки самого убийства, и только затем – расследование преступления с заранее известным преступником, делает эту сюжетную линию неглавной. Сюжетная линия сватовства с выбором Дуни прагматичного Лужина подчинена мотиву принесения себя в жертву ради благополучия семьи, то есть, по сути, представляет собой насилие по отношению к себе самой, что также не является магистралью в поэтике данного произведения.

Совсем о другой жертвенности идёт речь во внутреннем сюжете, в котором на первый план выступает аксиологический, альтруистический аспект. Главный герой Раскольников во внутреннем сюжете в большей степени взаимодействует с Соней, и, отчасти, со сторожем Николаем. Раскольников, который не страдает осознанно, а вынужденно мучается, сомневаясь и разрушая, прежде всего себя как микрокосм, только в финале, созерцая органичную жизнь кочевников, избавляется от западно-рационалистической зависимости и пытается воспринимать существующий мир нуминозно, непосредственно, без лукавства интеллекта. Вспомним К. Юнга: «*Numinosum* является или качеством какого-либо видимого объекта или воздействием невидимой силы, вызывающей особые изменения сознания» [6]. Исчезает уязвимость души со стороны хладнокровных богоборческих сил. И душа, с которой борется апполонический ум Раскольникова, становится ценностью и спасением. Именно так формулируется базовая идейная позиция писателя в письме к брату М. Достоевскому 31 октября 1838 г.: «Ум – орудие, машина, движимая огнём душевным...» (т. 28, с. 54)¹.

«Круг исходных смыслов» (Л. Карасёв), заявленный в первом сне Раскольникова об издевательствах над лошадью, замыкается картиной вольного народа, для которого лошадь священное животное. По мнению В.П. Руднева, «конь связан с идеей миротворения, а кстати, и всеобщего отождествления (ср. в «Бригадараньяка-Упанишаде»: «Мир есть конь») и с мировым древом» [7, с. 67]. Преступления, объектом которых была лошадь, у древних индоевропейских народов считались более аморальными, чем преступления против человека. Поэтому история об убийстве лошади с точки зрения эстетического воздействия намного сильнее, чем история об убийстве старухи. В первом случае, читатель однозначно на стороне жертвы, а во втором, силой гения автор делает невозмож-

¹ Далее цитирования приводятся по 30-томнику собрания сочинений Ф.М. Достоевского с указанием номера тома и номера страницы: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

ное – отвратительное убийство вызывает сочувствие к Раскольникову, которого «чёрт тащил» на совершение преступления. Прочитав Л.В. Карасёва, «чтобы стать художественным явлением проза должна превратить «что» в «как» [8, с. 196]. Вся сцена убийства старухи-процентщицы дана в механическом монотонном регистре, а в сне о лошади задействованы пружины коллективного бессознательного, энергетика массового психоза, омрачённого полной бессмысленностью происходящего.

Психологическая архитектура текста Ф.М. Достоевского строится на сочетании и отсутствии психологических страт. Автор не воспроизводит самые потаённые уголки авторефлексии Раскольникова: насколько его жизненная цель имеет отношение к вечности, к его истинному «я», то есть я-вна, а не иллюзорна. «Бесконечное самоуглубление» в «в воронке» [2] эго-самоутверждения на самом деле отделяет духовную монаду личности героя от изначальной миссии человеческого рода и отдельных людей до грехопадения – быть подобными Творцу жизни, Богу, способствовать победе добра над злом. Дается внешняя мотивированность реализации идейного убийства Раскольникова (психология в самом узком значении) и глубинная подсознательная основа диссонанса личности, в которой не называются однозначно мотивы убийства (подсознание как сфера бессознательно-символического), представленная в серии снов, но почти отсутствует процесс осознания истинной цели задуманного «дела».

«Фабульное содержание романа от начала до конца есть плод кошмаров разума, мучительный результат создания статьи о сверхчеловеке, и убийство совершено не в реальности, а в выпадении из неё» [9, с. 93]. По словам А.Г. Дугина, «человек в этом случае становится существом, принадлежащим сфере галлюцинации...Человек блуждает, т. е. бродит и бредит»². По насильственному «закону удара» [10, с. 18] топором во время убийства Раскольников тщетно пытается из-

бавиться от зловещего очарования нигилистического эгоизма, разрушить мир наваждения. У Г. Йонаса читаем: «Вселенная, владение архонтов, подобна бескрайней тюрьме, сокровенным застенком которой выступает Земля, сценическое пространство человеческой жизни» [11, с. 59]. Лёгкость процесса убийства вызывает подозрения самостного порядка: «слишком уж всё удачно сплелось и сошлось как на театре» (т. 6, с. 111). Раскольников пребывает в «состоянии сновидящего существа среди людей, у которых предположительная жизнь протекает, как осуществление чужого вымысла», поэтому Раскольников прежде всего «боится проснуться» [2, с. 22] и убийством пытается преодолеть эту боязнь яви. Но «нависшая над миром угроза «убийства по праву» при пробуждении аканта-злодея вергнет мир в хаос» [9, с. 93], который продемонстрирован в последнем сне.

Раскольников сообщает, что он должен подняться над добром и злом, стать великим, но то, что это не сверхзадача, читатель во внешнем сюжете узнаёт только из загадочного разговора с Разумихиным в главе 5, где, говоря о своём представлении об «истинно великих людях», он выдаёт сокровенные тайны своей миссии как героя: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» (т. 6, с. 203). Концепт «грусть» Ю.С. Степанов в труде «Константы: словарь русской культуры», ссылаясь на В.О. Ключевского, определившего грусть «национальным, русским» настроением, относит к базовым феноменам русской литературной традиции, указывая на его связь с «мировой скорбью» [12, с. 922]. Через представление о «великой грусти» Раскольников обнаруживает главную ошибку в собственной теории: быть Наполеоном и Моисеем одновременно невозможно. В состоянии болезни (фиксируемой окружающими персонажами людьми) и галлюцинации невозможно пробиться к постановке радикального для «философизации преступления» [13, с. 43] вопроса, насколько он хозяин собственного душевного мира? «Ф.М. Достоевский гово-

² Дугин А.Г. Имя моё – топор. Достоевский и метафизика Петербурга. URL: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/dostoev> (дата обращения: 07.05.2024).

рит об опасности «права на убийство», которая из идеи превращается в «чёрную дыру», безвозвратную трансгрессию» [9, с. 95].

«Я себя убил, а не старушонку!» (т. 6, с. 322), осознаёт Раскольников новый расклад вещей. Хотя на самом деле ещё до совершения преступления с момента написания статьи он наказан тем, что обрёл себя на одиночество возвышения над миром, ведь «необыкновенных» не просто меньшинство, они, как античный Нарцисс, чуждаются общества всех остальных, включая «необыкновенных». И в сне о «старой кляче» Раскольников в попытке выразить протест убийству лошади также одинок. То есть невозможность исправить мир насилием коренится уже в мире невинного ребёнка, одинокого в своём протесте против насилия, и, если брать глубже, – в гностическом мифе о сотворении мира как ошибке. «Умозрительный поиск Раскольниковым возможной ошибки в реализации своей теории незаметно обретает подтекст гностической «ошибки» создания земного мира» [14, с. 42].

Психологический портрет главного героя проецирует сюжетику романа, в которой внешняя и внутренняя наррации конгруэнтны в интенции автора максимально остро противопоставить обманчивое, ложное истинному. Биполярное расслоение личности Раскольникова предстаёт как аффективное, лихорадочное пребывание в роли убийцы с периодами интермиссии, которых в романе всего два: в сне о ветхозаветном Египте и в концовке с реальными кочевниками. Эти светлые моменты покоя или замирения страстей воплощают светлую сторону образа героя.

«Сон предстаёт универсалией не только в плане поэтики возможных миров фикционального, но и тотальностью в становлении героев» [9, с. 91]. Отражение цикла снов в полубредовой реальности (явь-навь) рассеянно в отблесках онейрического целого, которое интенцируется в первом сне Раскольникова. Этот сон не обязательно (хотя и возможно) посттравматический опыт действительного события, случившегося в детстве. Более корректно его трактовать как эйдети-ческую редукцию, состоящую из элементов одержимости «новым словом», символизмом

бессознательного и амбивалентным симбиозом сострадания и нарциссизма, характеризующим личность Раскольникова. Битьё лошади до степени убийства является нарративной основой первого сна Раскольникова. Этот сон открывает нарратацию насилия в данном произведении. Два компонента этого сна образуют инвариант, репрезентированный в ходе повествования в различных ситуациях, образующих мотивный комплекс «избиение лошади» [15, с. 255-259], генерализующий весь ход действия романа.

В развитии внутреннего сюжета важным является связь первого и второго сна Раскольникова ещё до совершения преступления. В своём письме к Раскольникову его мать Пульхерия Александровна напоминает ему о его бывшей религиозности. Сон о мальчике, протестующем против жестокого избиения лошади, и сном, в подтексте которого лежат мотивы «пустыни», кочевников, жажды (по одной из версий имя «Моисей» (евр. Моше) происходит от египетского корня *msy*, означающего «рождать» и «дитя»), отсылает к истории о Моисее, который спас народ от рабства. И здесь сама собой напрашивается ассоциация с именем «Родион», «Родя» и «образом ребёнка в первом сне Раскольникова», который, по мнению В.В. Савельевой, есть «архетип его Самости» [5, с. 70].

Раскольников отгораживает себя от жизни не только наличной, но и вечной. «Этот раскол прошёл и через душу и сознание человека, определив трагедию и противоречивость его жизни. Но несомненно также и то, что Достоевский вкладывал в фамилию своего героя и религиозный смысл, возводя его к церковному расколу XVII века, впервые поколебавшему устои религиозного мирозерцания нации» [16, с. 233]. Его фамилия помимо коннотаций, связанных с топором и актом совершения убийства во внешнем криминальном сюжете, отсылает к изначальному, необременённому апологетическими церковными распрями христианству, к расколу как историческому явлению насильственного разграничивания христианской церковности. «Наличие же границ приводит к разделению, то есть расколу, которым и характеризуется наш мир в гностической пара-

дигме, созданный страстью» [17, с. 207]. Нелинейная логика авторской позиции (преступление совершает Раскольников, а наказано всё человечество в сне о трихинах) ставит вопрос об ответственности личности как части рода человеческого в своих замыслах и поступках. Сверхчеловеческое переделывание миропорядка в виде убийства как архаического жертвоприношения аннигилируется в конце романа идеей самопожертвования, сгенерированной в сверхтекстовом образе Иисуса, который репрезентирован в смысловом содержании образов Миколая и Сони Мармеладовой. Достоевский пишет в «Дневнике писателя»: «в общем настроении жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высоко образованному и развитому уму, может вдруг передаться почти малограмотному существу, грубому и ни о чем никогда не заботившемуся, и вдруг заразит его душу своим влиянием» (т. 7, с. 51). Он чувствует, что в мире Сонечки и Миколая есть особый смысл, которого он раньше не видел и до которого непросто добраться. Но именно героическая недоступность, сложность жизненных задач привлекают его. На страдание, которое поначалу презиралось, возникает особенный спрос, оно становится единственной формой существования «сверхчеловека» в сотрудничестве с «всеблагим провидением» (т. 6, с. 211). В таком страдании нет ничего общего с падшим, лишённым воли к жизни Мармеладовым, который пьёт, чтобы «страдать сугубо».

Страдание пробуждает от автоматической, симультанной сиюминутности. Самопожертвование и ненасильственное отношение к миру в становлении Раскольникова происходит от избиения и убийства собственной души в рамках «преступления» и в «наказании» как добровольном страдании, очищающем и возрождающем не только душу, но и ум, как обретение внутренней свободы в тяжёлых условиях каторги, на которую герой обрекает себя явкой с повинной.

«Припоминание иного, согласно Платону, – единственное, что способно объяснить происходящее в наличном бытии» [18, с. 25]. Сон о библейском Египте перекликается с идиллическим созерцанием жизни кочевни-

ков в конце романа. В обоих случаях жизнь людей тесно связана с кочевыми животными, самой распространённой из которых издревле является лошадь. Сон о «старой кляче» в начале онейротопики романа создаёт исходный смысл противостояния смерти и разрушению» [19, с. 96] и наделяется примарно-установочным статусом в архитектонике повествования.

В романе «Преступление и наказание» Достоевского тема внутренней свободы в условиях каторги становится ключевой для понимания сложного пути главного героя. Прочитаем А.Г. Вишнякова: «Название предстаёт эмбрионом, неделимым первоэлементом, максимально сконцентрированной моделью» [20, с. 75]. Сцена убийства лошади, предшествующая преступлению, становится катализатором сомнений в Раскольникове относительно его теории о «необыкновенных» и её этической составляющей. Эта жестокость симметрична его собственному преступлению, которая тревожит его совесть и зарождает глубокое чувство вины-«грусти». В трактовке О.Ю. Юрьевой, «истинное ПРЕСТУПЛЕНИЕ (то есть понятие, вынесенное в заглавие романа) – не убийство старухи – оно только следствие главного преступления – идеи, которая, охватив сознание Раскольникова, подчинила его себе, разъединила с миром людей, толкнула его к убийству. В романе Достоевский показывает силу идеи, её влияние на сознание и жизнь человека и показывает, что сама по себе «ложная» идея может быть преступлением» [21, с. 194]. Каторга становится для Раскольникова своего рода испытанием, выявившим истинную природу его души. Он оказывается в окружении людей, чьи жизни, хотя и лишены внешней свободы, полны внутренней силы в принятии своей участи. Это, прежде всего, Соня Мармеладова, как «инкарнация гностической Софии Премудрой» [14, с. 43], которая любовь к богу позиционирует через страдание и помощь падшим духом. Встреча с каторжниками, их тяжёлая жизнь, полная лишений, становится для Раскольникова откровением. Он видит, как люди способны сохранять достоинство, сочувствие и даже любовь в тяжелейших обстоятельствах.

Внутренняя свобода, которая доступна человеку в любых жизненных условиях, рождается из глубокой веры, смирения и сострадания. В данной осознанности есть гностический подтекст, демонстрирующий не только представление о материальном мире как «плене души», связанное с «падшей Софией» (она же «Премудрость»), но и с образами православных мучениц Софии и её дочерей Верой, Надеждой и Любовью. «Этимологически «преступление» означает ошибку ума, которая в свете гностического мифа ассоциируется с отпадением Софии Ахмот от Бога» [22, с. 172]. Раскольников постепенно начинает понимать, что истинное наказание не в каторге, а в его собственном душевном страдании, что его теория «сверхчеловека», основанная на праве сильного, ведёт только к саморазрушению и разочарованию. Добровольное признание Раскольникова вызвано осознанием неуправляемости механизма зла, соблазна, который он запустил, а наличие в жизни иного мировосприятия в лице Сони и Николая становится ориентиром к душевному и личностному выздоровлению. Символический обмен, который предлагают Соня и Николай в виде страдания за идею, содержит космогоническое, жизнеутверждающее и жизнеобновляющее значение, отсылающее к сотериологической миссии Христа. В конце романа Раскольников уже не тот человек, который совершил преступление. Он приближается к духовному освобождению. Таким образом, «Преступление и наказание» – это не просто история о преступлении и наказании, но и глубокое исследование человеческой души в условиях предельных, экзистенциальных испытаний. Страдание предстаёт паттерном смысла жизни, высокой идеей, далёкой от прагматизма западных ценностей. А поскольку Раскольников стремится к уровню сверхчеловека, духовное самосовершенствование в виде страдания становится для него не признаком рабской души, а тем, что достойно понимания.

По утверждению А. Вишнякова, «в тексте обязательно присутствуют такие элементы (уровни, потоки), которые в нарушение всех математических представлений о множестве оказываются одновременно и частью

целого, и самим этим целым во всей его полноте» [23, с. 54]. Серия снов-кошмаров внутри наррации о нездоровом поведении Раскольникова с проблесками уверенности и покоя, представленные образами Сони, Миколая и семьи Раскольникова, представляет собою герменевтический цикл от сна про убийство лошади к сну о мировой эпидемии невидимых трихин, чреватой гибелью всего человечества. Однако Раскольников обретает всё-таки свой путь к жизни. И этот путь не возвращает его на уровень невинного мальчика и не делает близким по духу Соне Мармеладовой, в имени которой также предпосылается сновидческий, иллюзорный смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Диалог с Богом, который на протяжении всего романа происходит в уме и душе Раскольникова» [24, с. 37], не обретает форму институциональной религиозности, это «нуминозный опыт», который «несет в себе угрозу для человеческой психики, он как бы раскачивает её так, что каждую минуту эта тонкая нить грозит оборваться, и человек утрачивает спасительное равновесие. Для одних это означает абсолютное «Да», для других – абсолютное «Нет» [25]. В финале произведения с описанием картины кочевнической жизни действительно возникает ощущение умиротворения и победы яви над навью. Абсолютное «Нет» убийства и последующее за ним пневматическое зависание в сфере кошмарной бредовой ирреальности сна-яви теряет свою власть над самосознанием Раскольникова. В сне об Египте героя мучает жажда на фоне ветхозаветной идиллии. Это духовная жажда. Казалось бы, невозможное чудо, которым чревата ветхозаветная пустыня, свершается в настоящем, а не в сновидении. Так, спасительный потенциал внутреннего сюжета реализуется наяву трагического пути героя, соединяя подсознательное и осознаваемое в виталистическом инсайте пробуждения героя от кошмара разума. «Каждый великий образ имеет неизменную онирическую глубину, и наше личное прошлое накладывает особые краски на этот онирический фон» [26, с. 48]. «Новое

слово», которое не вербализировано в тексте романа, в финале обозначено в остенсивном созерцании незамысловатого пейзажа Иного-явного, что согласуется с дискурсом чудесного в египетской пустыне, связанного со спасением от внешнего рабства народа, оду-

хотворённого общей целью под предводительством Моисея. Оно метафоризируется одновременно и как обретение внутренней свободы, и как уход от экзистенциального одиночества.

Список источников

1. Волик Е.Ф. Сновидение как продуктивная форма жизни личности: роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Литературоведческий сборник. 2006. № 26-27. С. 180-193. <https://elibrary.ru/fpavur>
2. Пумпянский Л.В. Достоевский и античность: (Доклад, чит. в Вольной философск. ассоциации 2-го окт. 1921 г.). Пг.: Замыслы, 1922. 48 с.
3. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 160 с.
4. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: ИФИОС «Словесник», 2010. 904 с.
5. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013. 519 с.
6. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
7. Руднев В.П. Реальность как ошибка. М.: Гнозис, 2011. 320 с. <https://elibrary.ru/qxbwvj>
8. Карасёв Л.В. Онтологическая поэтика: автокомментарий // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 188-199. <https://elibrary.ru/tjrgax>
9. Иванов Е.Е., Иванова Г.П. Сон в прозе Гайто Газданова как литературная проблема // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 91-101. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101>, <https://elibrary.ru/kgimyi>
10. Кроо К. Творческое слово Ф.М. Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. 288 с.
11. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Изд. дом «Лань», 1998. 384 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 989 с. <https://elibrary.ru/qofiub>
13. Акелькина Е.А. Новые подходы к осмыслению аллюзий в творчестве Ф.М. Достоевского (рецензия на монографию В.В. Иванова «Сакральный Достоевский») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 42-43. <https://elibrary.ru/xifjnc>
14. Иванов Е.Е. Влияние сюжетики «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского на романы Гайто Газданова // Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского. Материалы Всероссийского симпозиума. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 39-46. <https://elibrary.ru/tgaspij>
15. Касаткина Т.А. Обзор II Международной научной онлайн-конференции «Преступление и наказание»: современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 241-314. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-241-314>, <https://elibrary.ru/oonkvjg>
16. Юрьева О.Ю. Название «Преступление и наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 2. Наказание. Достоевский и мировая культура // Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 204-254. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-204-254>, <https://elibrary.ru/orxooo>
17. Магарил-Ильяева Т.Г. Гностицизм в литературе русского реализма: ранний Достоевский // Русская литература и философия: пути взаимодействия. М.: Водолей, 2018. С. 196-216. <https://elibrary.ru/yrabye>
18. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с. <https://elibrary.ru/zgrsrb>
19. Карасёв Л.В. Онтологическая поэтика (Краткий очерк) // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда: сб. статей. Т. 1. М.: ИФ РАН, 2005. С. 91-114. <https://elibrary.ru/saevub>
20. Вишняков А.Г. Пролегомены к титрологии художественного текста: постановка проблемы // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. № 1. С. 71-76. <https://elibrary.ru/xmzstb>

21. Юрьева О.Ю. Название «Преступление и наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 1. Преступление. Достоевский и мировая культура // Филологический журнал. 2024. № 1. С. 168-197. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197>, <https://elibrary.ru/ydetnp>
22. Иванов Е.Е. Присутствие «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского в прозе Г. Газданова // Достоевский в смене эпох и поколений: материалы 2 Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Омск, 2021. С. 170-174. <https://elibrary.ru/ajzrbg>
23. Вишняков А.Г. О механическом и органическом в художественном тексте. Практические аспекты // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2019. № 3. С. 54-58. <https://elibrary.ru/cykecl>
24. Кадушина О.И. «Сны преступника с «нежным сердцем»: поэтика пространственной организации сновидений Родиона Раскольникова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2021. № 4. С. 17-37. https://doi.org/10.26170/2306-7462_2021_04_02, <https://elibrary.ru/jvhhrc>
25. Стайн М. Принцип индивидуации. О развитии человеческого сознания. М.: Когито Центр, 2009. 176 с. <https://elibrary.ru/raxvhv>
26. Башиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с. <https://elibrary.ru/qwgjct>

References

1. Volik E.F. Snovidenie kak produktivnaya forma zhizni lichnosti: roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie". *Literaturovedcheskii Sbornik*, 2006, no. 26-27, pp. 180-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fpavur>
2. Pumpyanskii L.V. *Dostoevskii i Antichnost': (Doklad, chitannii v Vol'noi filosofskoi assotsiatsii 2-go oktyabrya 1921 g.)*. Petrograd, Zamysly Publ., 1922, 48 p.
3. Nazirov R.G. *Tvorcheskie Printsipy F.M. Dostoevskogo*. Saratov, Saratov State University Publ., 1982, 160 p. (In Russ.)
4. Leiderman N.L. *Teoriya Zhanra. Issledovaniya i Razbory*. Ekaterinburg, IFIOS "Slovesnik" Publ., 2010, 904 p. (In Russ.)
5. Savel'eva V.V. *Khudozhestvennaya Gipnologiya i Oneiropoehtika Russkikh Pisatelei*. Almaty, Zhazushy Publ., 2013, 519 p. (In Russ.)
6. Yung K. *Arkhetip i Simvol*. Moscow, Renessans Publ., 1991, 297 p. (In Russ.)
7. Rudnev V.P. *Real'nost' kak Oshibka*. Moscow, Gnozis Publ., 2011, 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxbwxj>
8. Karasev L.V. Ontological poetics: auto-commentary. *Voprosy Filosofii*, 2015, no. 1, pp. 188-199. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjrgax>
9. Ivanov E.E., Ivanova G.P. Dream in Gaito Gazdanov's prose as a literary problem. *Neofilologiya = Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 91-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101>, <https://elibrary.ru/kgimy1>
10. Kroo K. *Tvorcheskoe Slovo F.M. Dostoevskogo – Geroi, Tekst, Intertekst*. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)
11. Jonas G. *The Gnostic Religion. The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity*. St. Petersburg, Lan' Publ., 1998, 384 pp.
12. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' Russkoi Kul'tury*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2001, 989 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qofiub>
13. Akel'kina E.A. Novye podkhody k osmysleniyu allyuzii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (retsenziya na monografiyu V.V. Ivanova "Sakral'nyi Dostoevskii"). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2019, no. 1 (35), pp. 42-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xifjnc>
14. Ivanov E.E. The influence of the plot of Dostoevsky's "Crime and Punishment" on the novels of Gaito Gazdanov. *Materialy Vserossiiskogo simpoziuma «Dostoevskii i literaturnyi protsess XIX veka. Poehtika prozy Dostoevskogo» = Proceedings of All-Russian Symposium "Dostoevsky and the Literary Process of the 19th Century. Poetics of Dostoevsky's Prose"*. Moscow, MAKSS Press Publ., 2022, pp. 39-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tgaspj>
15. Kasatkina T.A. Summary of the 2nd international online conference "crime and punishment: current state of research" (Moscow, February 28 – March 2, 2023). *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal*

- = *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2023, no. 2 (22), p. 241-314. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-241-314>, <https://elibrary.ru/oonkvg>
16. Yur'eva O.Yu. The title of Crime and Punishment as a key to a holistic analysis of Dostoevsky's novel at school. Article 2: Punishment. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal = Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2024, no. 1 (25), p. 204-254. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-204-254>, <https://elibrary.ru/orxooo>
17. Magaril-Il'yaeva T.G. Gnosticism in Russian realistic literature: early Dostoevsky. *Russkaya Literatura i Filosofiya. Puti Vzaimodeistviya*. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 196-216. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yraaby>
18. Kasatkina T.A. *Svyashchennoe v Povsednevnom: Dvustavnyi Obraz v Proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo*. Moscow, A.M. Gorky Institute of world literature Publ., 2015, 528 pp. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgrsb>
19. Karasev L.V. Ontologicheskaya pochtika (Kratkii ocherk). *Sbornik nauchnykh statei «Esthetika: Vchera. Segodnya. Vsegda» = Collection of Scientific Articles "Esthetic. Yesterday. Today. Forever"*. Moscow, Institute of Philosophy Russian Academy of Science Publ., 2005, vol. 1, pp. 91-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/saevub>
20. Vishnyakov A.G. Prolegomena for a titology of literary text: problem statement. *Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 2018, no. 1, pp. 71-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xmzstb>
21. Yur'eva O.Yu. The title of crime and punishment as a key to a holistic analysis of Dostoevsky's novel at school. Article 1: Crime. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal = Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2024, no. 1, pp. 168-197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197>, <https://elibrary.ru/ydetnp>
22. Ivanov E.E. Presence of "crime and punishment" by F. Dostoevsky in G. Gazdanov's prose. *Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.M. Dostoevskogo «Dostoevskii v smene ehpokh i pokoleni» = Proceedings of the 2nd International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of F.M. Dostoevsky "Dostoevsky in the change of Epochs and Generations"*. Omsk, 2021, pp. 170-174. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ajzrbg>
23. Vishnyakov A.G. About mechanical and organic in the literary text. practical aspects. *Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 2019, no. 3, pp. 54-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cykecl>
24. Kadushina O.I. "Dreams of a criminal with a "tender heart": the poetics of the spatial organization of Rodion Raskolnikov's dreams. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system = Ural Journal of Philology. Series: Russian Classic: the Dynamics of Artistic Systems*, 2021, no. 4, pp. 17-37. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/2306-7462_2021_04_02, <https://elibrary.ru/jvhrc>
25. Stain M. *Principle of Individuation: Toward the Development of Human Consciousness*. Moscow, Kogito Tsentr Publ., 2009, 176 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raxvvh>
26. Bashlyar G. *The Poetics of Space*. Moscow, Rosspehn Publ., 2004, 376 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwgjct>

Информация об авторе

ИВАНОВ Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Вклад в статью: идея, разработка концепции исследования, анализ художественного текста, написание и редактирование текста статьи.

Поступила в редакцию 02.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки 23.09.2024

Принята к публикации 26.09.2024

Information about the author

Evgeniy E. Ivanov, Cand. Sci. (Philology), Research Scholar, Associate Professor of Humanities Department, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Contribution: idea, study conception development, literary text analysis, manuscript drafting and editing.

Received June 2, 2024

Approved after reviewing and revision September 23, 2024

Accepted September 26, 2024